

Ольга Небелицкая

**Билет в один
конец**

Ольга Небелицкая
Билет в один конец

«Автор»

2024

Небелицкая О.

Билет в один конец / О. Небелицкая — «Автор», 2024

Ане довелось побывать в туристической поездке в Иерусалим, когда ей было девять лет. Удастся ли ей вернуться туда снова?

Ольга Небелицкая

Билет в один конец

В тот год, когда она прикоснулась к Стене, ей было девять лет.

А сейчас – почти девяносто.

Кто-то скажет: прошла целая жизнь, в общем-то, неплохая.

Она лежит и думает: почему прошла? Я ещё здесь. Я могу дышать, думать.

Ходить, правда, уже не могу.

Внуки считают, она не знает про рецидив, но как она может не знать, если чувствует каждую клетку тела? Она чувствует, как клетки размножаются, – там, где не должны. У правильной клетки тела призвание состоит в том, чтобы делать свою работу. Строить ткань, переносить кислород или защищать тело от внешней угрозы. У неправильных клеток призвание одно – убивать. Быстрее или медленнее – исход один.

Неправильные клетки снова размножаются внутри тазобедренного сустава. Хондросаркома: выживаемость через пять лет после успешной химиотерапии – девять процентов.

Девять – так мало.

* * *

Аню привезли в Иерусалим не жить – в гости. Тётка уехала годом ранее, а когда из развалившегося Союза хлынул поток эмигрантов, настаивала на том, чтобы Анина мама воспользовалась возможностями программы по репатриации и как можно скорее присоединилась к ней.

– Как это – зачем? – Аня слышала в телефонной трубке тёткин голос, когда мама отодвигала трубку, будто голос делал ей больно. Царапал ухо. – Все едут. Ты, что, не хочешь жить в нормальном мире? Не хочешь дать ребёнку возможность вырасти человеком?

Аня смотрела на свои тощие коленки. А сейчас она, получается, – кто?

Мама согласилась съездить в гости. Приглядеться.

Аня потрогала Стену на закате.

Люди просовывали в щели между камнями бумажки, прислонялись к Стене лбом и что-то шептали. Молитвы, сказала мама. Стена называется Стеной Плача, потому что это единственное, что осталось от великой иудейской святыни, Храма. Поколения евреев оплакивают Храм. Но в их текстах сказано, что Божественное присутствие никогда не отходит от этой Стены, и здесь всегда можно обрести помощь.

Мне не нужна помощь, подумала Аня, у нас всё хорошо.

Так ведь?

Она оглянулась на маму, и луч закатного солнца осветил мамины волосы так, что вокруг головы образовался ореол. Нимб. Аня смотрела, как заворожённая, на золотое свечение.

Казалось, светилось всё: Стена, строения поодаль, силуэты людей – и тёмные, и светлые, и разноцветные. Каждый камень вдруг запел тихую песню на незнакомом языке.

Аня положила руку на стену. Мне не нужна помощь, успела подумать она, но я хочу сказать спасибо: здесь так хорошо. Камни задрожали. Аня прикрыла глаза. Во рту стало сладко, земля ушла из-под ног, вибрация камня под рукой стала сильнее. Страшно не было. Аня подумала, что если представить, что всё вокруг – музыка, то она прямо сейчас – нотка, которая заняла важную позицию на строке. Она звучит в унисон с древней песней на незнакомом языке, хотя не понимает, о чём в этой песне поётся.

* * *

– Морфин – это билет в один конец!

Они думали, что она не слышит шёпот в соседней комнате, но в последнее время границы между её телом и миром почти исчезли. Сознание с лёгкостью проникало за закрытые двери и даже за стены дома. Она, например, знала, что вишня во дворе уже выпустила тугие бутончики и вот-вот покроется цветами, будто снежным покровом. Она откуда-то знала, что пару дней назад срубили старую берёзу в детском саду. Она слушала разговор внуков, хотя тело недвижимо лежало в кровати.

– Да, но врач считает, что она страдает, а их кредо – никто не должен испытывать боль, умирая.

Всхлип.

– Почему они решили, что она страдает? Она прямо сейчас спит, я видела. – Скрип двери, чей-то быстрый взгляд пробегает по её лицу, сморщенной шее, рукам, лежащим поверх покрывала, неподвижным ногам. Щекотно.

Ей хочется крикнуть, что она не страдает. Ей не нужна помощь, она уплывает – в аромат бугенвиллий и миндаля, в запахи жарящегося мяса и какой-то гороховой штуки, которая ей так не понравилась, что она обидела тётку, сказав слово «говно», и сейчас ей вдруг невыносимо стыдно, хотя её разделяет восемьдесят лет – с тёткой, которая искренне любила фалафель и хотела её угостить; она уплывает в закатный свет над крышами, и в тот момент, когда свет отражается от огромного золотого купола, она парит над древним городом, который звучит песней, и она в этой песне – самая важная нота.

Мне не нужна помощь и не нужен морфин, хочет сказать она, но губы могут разве что сложиться в улыбку.

* * *

Мама не осталась в Израиле.

– Я Колосова, и Аня будет Колосовой, хотя четверть еврейской крови в ней есть, – мама усмехнулась, – а в ком её нет? Собирать бумажки, пресмыкаться перед этими вашими конторами, а потом начинать с нуля в незнакомой стране – увольте. Нам и дома неплохо.

Девятилетних детей не спрашивают, что они думают о репатриации, Аню не спрашивали, что она думает о белом городе, стекающем с холмов, о розовых небесах, к которым так хочется прикоснуться – как к Стене, – о медовом закате. *Сотовый мёд каплет из уст твоих... мёд и молоко под языком твоим... рассадники твои – сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами...* откуда это?

Во время обратного пути – добирались долго, сначала паромом из Хайфы в Афины, потом – трое суток поездом через Болгарию – Аня смотрела на кончики своих пальцев. Розовые.

Ей казалось, они светятся. Ей казалось, что в ней звучит музыка, и незнакомый голос тягуче и медово поёт про гранатовые сады и золотой закатный свет.

Дома Аня сделала из картона и пластилина стену.

– Что это, домик? – мама вытирает пот со лба, на бедре корзина с мокрыми вещами, в другой руке – тряпка.

– Это стена, – объясняет Аня. – Стена Плача. Я буду возле неё плакать.

Последних слов мама не слышит.

* * *

У неё была очень счастливая жизнь.

Почему – была? Она ещё здесь. Она лежит в светлой комнате, ветер колышет занавески и приносит со двора смех и голоса.

Тело умирает, но она не чувствует боли. Внуки не поверят. Её тело – сухое, почти неподвижное, вроде бы воплощает победу смерти над жизнью – деформированный сустав, сведённые спазмом кисти рук, изъеденная пролежнями спина – медсестра качает головой и мор-

щится, обрабатывая раны, – глубокие складки у рта, будто часть лица парализована. Она уже не говорит, только язык слегка шевелится.

Но боли – нет. Есть аромат бугенвиллий и миндаля. Она прикрывает глаза – и на веки ложится нездешний закатный свет.

Мёд и молоко под языком моим. Она шевелит языком. Сладко.

Она улыбается.

* * *

Аня играла в Иерусалим.

Она хотела вернуться. Нет, не на самолёте и не длинным путём – через Афины и Хайфу. Девятилетний ребёнок знает более надёжные и быстрые способы.

На дорожке за школой – там, где бегают стометровку, – кто-то пролил белую краску. На асфальте осталось пятно неправильной формы. Шли дожди, выпадали снега, пятно бледнело, края его расплывались. Аня почему-то знала, что это портал. Она никому не говорила, но если в нужную минуту нужного дня встать на это пятно, зажмуриться, сжать кулачки и сильно-сильно захотеть... можно оказаться в белом городе, стекающем с холмов, побежать, затеряться в лабиринте, пролететь вихрем – мимо лавок со специями и глиняными мисками, трогать шершавые бока гранатов, пить чай из узких стаканов, вдыхать аромат фа-ла-фе-ли, слушать звуки – Аня уже знала слово «фо-не-мы» – певучего языка, шеш, шева, шмонэ, тайша... или тэйша?

Её завораживала буква «ш».

Аня стояла на дорожке зажмурившись.

Она понятия не имела, что станет делать в Иерусалиме одна – в девять, десять... двенадцать... пятнадцать лет. После восемнадцати она перестала волноваться. Она могла взять билет на самолёт – в любое время.

Она прожила счастливую жизнь.

чрево твоё – ворох пшеницы, обставленный лилиями

У неё было – есть – много детей. Несчётно больше – внуков.

На корешки книг падает медовый свет. Детские крики во дворе стихли. Уже вечер.

Книги на полках: она стала детским писателем и всю жизнь рассказывала маленьким людям о том, что взрослые считают невозможным, а дети – о, дети знают правду.

Тсс, писала она между строк: это будет наш секрет. Паром и поезд не нужны, когда очень хочется попасть в белый город, стекающий с холма.

Они с Игорем много путешествовали. Они были в Индии, в Таиланде, в Китае, почти во всех европейских странах. Они были и в Израиле. Она снова прикоснулась пальцами к Стене – и снова услышала, что всё хорошо, что ей не о чем просить.

Ре-патри-ация – поиск нового отечества, но ей было незачем искать новое отечество. Разве может быть у ребёнка два отца – биологически?

Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки

Она шла по белому городу и улыбалась, Игорю тогда показалось, будто солнце превратило её волосы в золотой ореол. Как нимб, заворожённо подумал он.

Это будет наш секрет, сказала ей Стена, это будет наш секрет, кивнула она.

* * *

– Вы посмотрите на крестец... там пролежень – до кости. Она страдает. У вашей бабушки нереальная сила воли, но ни одно тело не может выдержать такой боли. Врач выписал рецепт. Пластырь с наркотиком не поможет, нужно что-то большее. Она должна уйти в мире, понимаете?

Медсестра чеканила слова, будто отсчитывала сдачу медными монетками. Раз, два, пять. Она знала своё дело.

Она была права. За закрытой дверью комнаты лежала бабушка, самый дорогой им человек, – и бабушкино тело невыносимо страдало. Да, морфин – билет в один конец, но разве вся жизнь не ведёт в единственном направлении?

Хлопнула дверь. Медсестра ушла.

Они посидели немного. Лиля вздохнула и взяла рецепт.

– Я схожу в аптеку.

Рита кивнула, Артём встал.

– Я проверю, как она. Вдруг уже...

Не было нужды заканчивать фразу.

Ветер развеивал занавески, в комнате что-то неуловимо изменилось. Цветочный аромат наполнил пространство, закатный свет был повсюду – в каждом углу, на кружевной салфетке под телевизором, на вышитой подушке, на золочёной раме картины.

Мёд и молоко, почему-то вдруг подумал Артём, *мед и молоко под языком твоим* – откуда это? Он перевёл взгляд на кровать и застыл.

Там было – не могло быть – не было – нет – он моргнул —

Тело взрослого человека, очертаниями напоминавшее бабушкино, оставило на кровати ямку.

Но – как это могло случиться? – самого тела не было.

Бабушки – не было.

Артём беспомощно огляделся. Ветер бросил в окно порцию детского смеха.

Внезапно стало страшно и сладко, ноги подкосились, и Артём рухнул на колени у кровати.

Бельё пахло – не смертью, не разлагающимся телом; незнакомый цветочный аромат стал ещё сильнее.

Так пахнет цветущий миндаль, вспомнил Артём.

* * *

Она бежала по белому городу, стекающему с холма, и смеялась, она струилась вместе с ним то вверх, то вниз, она могла проникать в любое помещение, быть запахом – любимым, звуком – любимым. Она взмыла к персиковым облакам, а потом стала темнотой в щели между золотыми камнями Стены, она чувствовала прикосновения пальцев – взрослых, детских, своих и чужих – во все времена.

Она вернулась, чтобы больше не уезжать, потому что паромы и поезда не нужны перед лицом смерти, нет – перед лицом того, что больше, чем смерть, того, что

...тсс, это будет наш секрет.